

АРАБСКАЯ ВЕСНА КАК КВАЗИСУПЕРКРИТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ?

А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина

Показано, что с формальной точки зрения Арабскую весну можно рассматривать как квазисуперкритическое явление. Это дополнительно подтверждает ранее выдвинутый нами тезис о том, что в 2011–2012 гг. Мир-Система испытала в некотором отношении фазовый переход в качественно новое состояние глобальной протестной активности подобно тому, что мы наблюдали в начале 1960-х гг., что во многом было связано с произошедшим после Второй мировой войны ростом глобальной информационной связанности и совершенствованием средств протестной самоорганизации, обусловленным распространением телевидения, портативных транзисторных радиоприемников, мегафонов и других технологий четвертого кондратьевского цикла. При этом, несмотря на то, что глобальная информационная связанность нарастала все 1950-е гг., рост протестной активности произошел не плавно, а скачкообразно в самом начале 1960-х гг. В последние 20 лет перед Арабской весной наблюдалась вполне выраженная тенденция к спаду глобальной протестной активности, и в 2010 г. она была самой низкой с середины 1970-х гг. Но даже в 2010 г. она была выше, чем что бы то ни было, зафиксированное в CNTS до 1960 г. Второй фазовый переход был подготовлен новой волной роста глобальной информационной связанности и совершенствования средств протестной самоорганизации, обусловленной распространением технологий уже пятой кондратьевской волны (Интернет, спутниковое телевидение, социальные сети, в том числе «Твиттер», мобильная телефония и т. п.).

События Арабской весны и протестных волн за пределами Арабского мира получили значительное внимание исследователей. В целом в литературе, посвященной этим событиям и их влиянию на последующую динамику нестабильности в различных регионах мира, можно выделить несколько важных направлений. Среди них – попытки создания прогностических моделей и переосмысления существующей революционной теории с учетом новых реалий.

Дж. Ланг и Х. де Стерк предлагают простую модель динамики революций в диктаторских режимах, использующих цензуру и полицейские репрессии. В контексте Арабской весны модель применяется для объяснения причин волнений в арабских странах, а также роли Интернета и новых медиа и, как следствие, снижения эффективности цензуры. Однако релевантность модели определяется также ее применимостью к анализу политической ситуации в других регионах с режимами, использующими цензуру и полицейские репрессии – к примеру, в Иране, Китае или Сомали (Lang, Sterck 2014).

Известный американский социолог и исследователь революций Дж. Голдстоун для описания состояния обществ и революционных процессов обращается к понятию равновесия – устойчивого и неустойчивого. При этом он выделяет пять необходимых и достаточных условий для формирования состояния неустойчивого равновесия:

- проблемы в экономической и фискальной сферах;
- растущее отчуждение и оппозиционные настроения в среде элит;
- революционная мобилизация, опирающаяся на нарастающее народное возмущение несправедливостью;
- идеология, убедительный повод и нарратив сопротивления;
- благоприятная международная обстановка.

Через призму указанных выше условий Дж. Голдстоун рассматривает революции начиная с эпохи Ренессанса и Реформации и заканчивая арабскими революциями 2011 г. в Тунисе, Египте, Сирии и Ливии (Goldstone 2014). В отношении последних он отмечает, что восстания на Ближнем Востоке не были никем предсказаны, подчеркивая, что степень слабости верховного правителя зачастую можно наблюдать только в ретроспективе. Успешность революции в концепции Голдстоуна определяется наличием следующих условий: правительство рассматривается как угроза будущему страны, элиты (в том числе военные) не стремятся защищать государство, мобилизуется высокорепрезентативный сегмент общества, а международные силы либо отказываются защищать правительство, либо вмешиваются в конфликт на стороне революционеров (*Idem* 2011).

К. Бек утверждает, что Арабская весна стала неожиданным событием не только потому, что предсказание революций – непростая задача, но также и потому, что современные теории революции не располагают достаточным инструментарием для объяснения волн революции в тех случаях, когда причинные механизмы варьируются в зависимости от уровня анализа. Для решения этой проблемы Бек предлагает метаоснову революционной теории, сочетающей в себе несколько уровней и измерений анализа, а также учет их взаимодействий. Структурированный пример дизайна исследования с использованием методики качественного сравнительного анализа охватывает 16 стран Ближнего Востока и Северной Африки и позволяет выделить субнациональные условия мобилизации в контексте событий Арабской весны, внутригосударственные причины революций, транснациональные факторы, в том числе связи той или иной страны с мировым сообществом (Beck 2014). Таким образом, автор предлагает теорию, в которой подчеркивается рост значимости мировых культурных сценариев, моделей и практик, их влияние на государства, а также субнациональные условия для мобилизации.

Р. В. Грин и К. Д. Кусва выдвигают идею создания риторической картографии «региональных акцентов», чтобы продемонстрировать, как те или иные регионы включаются или исключаются из карты власти. Они утверждают, что риторическое перемещение протестов из одного места в другое, выраженное Арабской весной и движением *Occupy Wall Street*, формирует горизонтальный региональный акцент, который, образно говоря, «складывает» протестные регионы друг в друга, как в папку, подпитывая таким образом возникновение новых локусов протеста (Greene, Kuswa 2012). Возникновение политически субъективного протестующего происходит в местах регионального сгиба, так как именно они создают и отменяют карты власти.

Ф. Волпи отмечает, что при анализе Арабской весны достаточно сложно уйти от структурных объяснительных моделей, которые продолжают доминировать в науке до сегодняшнего дня (Volpi 2014). Так, большинство исследований, как правило, изобилуют описанием социальных, экономических и политических структур, так или иначе ставших причиной восстаний. К примеру, Дж. Гуд-

вин говорит о кризисе авторитаризма как непосредственной причине протестов в арабских странах (Goodwin 2011). В этой связи Волпи с некоторым сожалением подчеркивает, что большая часть дискуссий об Арабской весне сводится к обсуждению тех характеристик государств и режимов, которые сформировали предпосылки для революционного восстания, и тех, которые, напротив, ему не способствовали.

Группа российских исследователей во главе с С. Ю. Малковым предприняла попытку количественного анализа «весенних» событий в арабских странах и разработки специализированного индекса для оценки текущего состояния и прогноза уровня социальной нестабильности в этих странах (см.: Малков и др. 2013; Korotayev *et al.* 2013; 2014). Основываясь на разведочном анализе данных, исследователи выявили ряд факторов социально-политической нестабильности, ставших общими для всех этих стран: переходный характер политического режима, наличие внутриэлитного конфликта, неэффективность инструментов передачи власти, наличие внутренней конфликтности, наличие «горючего материала» и его выгорание, участие исламистов в политическом процессе, кризис неоправдавшихся ожиданий от модернизации и наличие привлекательной альтернативы¹. В результате ученым удалось сформировать комплексный индекс, учитывающий наиболее значимые факторы социально-политической нестабильности, вычисляемый на основе статистических данных и экспертных оценок и позволяющий оценивать потенциал социальной нестабильности и ее возможный масштаб.

Обширный блок исследований посвящен влиянию событий Арабской весны на стабильность стран Арабского мира, соседних

¹ Завышенные ожидания, которые не оправдываются, тем более в условиях временного ухудшения положения и снижения жизненного уровня населения или его части, весьма часто становятся важной причиной социального недовольства и в некоторых случаях революций (нам уже приходилось писать об этом [см., например: Гринин и др. 2016]). Такой своеобразный социальный парадокс был замечен довольно давно. Возможно, первым, кто написал об этом, был Алексис де Токвиль. В своем знаменитом произведении «Старый порядок и революция» он, например, пишет, что ни в один послереволюционный период общественное благосостояние не росло так стремительно, как в течение двадцати предреволюционных (до 1789 г.) лет (Токвиль 1997: 139). Эта ситуация у некоторых политологов даже получила название «закон Токвиля» (см. подробнее: Урнов 2008: 167–174).

по отношению к нему регионов и мира в целом. Так, к примеру, Н. Данжибо говорит о том, что протесты в арабских странах, приведшие к свержению авторитарных режимов в Тунисе, Египте и Ливии, вылились в конечном счете в период политической неопределенности в пострадавших странах и создали условия политической нестабильности в регионе Сахеля и в Африке южнее Сахары. Неустойчивость стран Африки с недостаточным уровнем государственного управления, в свою очередь, создала платформу для проникновения негосударственных вооруженных акторов в этот регион (Danjibo 2013).

Т. Маттизен отмечает, что с 2011 г. в Саудовской Аравии наблюдалось наиболее масштабное и длительное протестное движение за всю современную историю этой страны. В статье «Саудовская весна? Шиитское протестное движение в Восточной провинции 2011–2012» (Matthiesen 2012) автор размышляет о том, как небольшие протесты, вдохновленные Арабской весной и чувством солидарности с протестующими в соседнем Бахрейне, превратились в устойчивое молодежное протестное движение с конкретными требованиями и характеристиками. Возникновение этого движения на локальном уровне оказало влияние на политическую и социальную динамику шиитского сообщества в Саудовской Аравии. Одним из выводов, к которому приходит Маттизен, стало то, что хотя новые медиа выступают как хорошие организационные инструменты протеста, личные сети – полуавтономная общественная сфера – и истории, повествующие о подрывной деятельности, существенно способствовали развитию движения.

Можно также выделить ряд исследований, посвященных сравнению событий Арабской весны с другими революционными периодами, наблюдавшимися в Ближневосточном и других регионах, с целью лучшего понимания причин, движущих сил и возможных последствий нынешнего кризиса. А. Уилсон и Б. Хестерей предлагают ретроспективное видение проблемы, отталкиваясь от предпосылок, приведших к протестной волне в арабских странах. В первом случае обращается внимание на скрытые факторы, которые определяют проблемное поле «весенних» волнений (Wilson 2013). К примеру, на спорной территории Западной Сахары, частично аннексированной Марокко в 1975 г., в октябре – ноябре 2010 г. про-

изошло беспрецедентное восстание, которое предшествовало протестам в Тунисе – первым из череды Арабской весны, однако это восстание зачастую упускается из виду. Скрытые факторы, таким образом, помогают выявить подобные малоизвестные сходства и в конечном счете изучить сам протест. Б. Хестерей же в качестве политической аналогии протестов в арабских странах рассматривает прошлое Индонезии (Hoesterey 2013), отмечая, что здесь на протяжении продолжительного периода перехода от авторитарного к демократическому режиму наблюдались схожие условия, в том числе коррупция, nepotизм, а также правление военных, осуществляемое в течение многих лет в атмосфере безнаказанности.

А. Эрдоган проводит аналогии между событиями на Ближнем Востоке и в Северной Африке и падением коммунистических режимов в Восточной Европе. Автор вслед за концепцией третьей волны демократизации С. Хантингтона выделяет ряд сходств между этими процессами: снижение легитимности авторитарных режимов, недостаток экономического развития и начало экономического кризиса, демонстрационные эффекты, новая политика внешних акторов и т. п. Арабские режимы, ставшие объектом антиправительственных выступлений, на протяжении десятилетий авторитарного правления демонстрировали фактическую монополию власти, также в обоих случаях наблюдались ухудшение экономических условий и рост социально-экономического недовольства. Однако, в отличие от коммунистических режимов, катализаторами арабских восстаний стали такие факторы, как высокий уровень безработицы, особенно среди молодежи, а также внутреннее и региональное социальное неравенство (Erdogan 2013).

К. Уэйленд также предлагает провести параллели между Арабской весной 2011 г. и «революциями» 1848 г. Так, обе эти протестные волны охватили целые регионы с рекордной скоростью, однако увенчались весьма ограниченными успехами в направлении политической либерализации и демократизации (Weyland 2012). Опираясь на анализ событий 1848 г., автор приходит к выводу, что протестующие в арабских странах были значительно воодушевлены падением режима в Тунисе и переоценили его значимость, решив, что могут с такой же легкостью избавиться от диктаторов в своих странах. Арабские общества были слабоорганизованными

и находились под давлением со стороны властей, что в условиях отсутствия авторитетных лидеров, на которых могли бы ориентироваться простые люди, вызвало осязаемое ухудшение ситуации.

М. Гунтер обращает внимание на так называемую Курдскую весну – ситуацию в Турции, Ираке и Сирии, характеризующуюся формированием демократических требований, в том числе касающихся немедленной реализации культурных, социальных и политических прав (Gunter 2013). Так, в Турции провалы правительства во многом обусловили курдское возрождение, в Ираке обсуждаются возможности провозглашения независимости Регионального правительства Курдистана. Что касается Сирии, то в этом случае основным фактором Курдской весны становится подъем «Демократического союза».

Влияние арабского кризиса на международное распределение политических сил и стратегии взаимодействия между государствами рассматривает и Б. Синкая в своей статье, посвященной иранской внешней политике (Sinkaya 2015), отмечая, что Иран долгое время был не в состоянии выработать последовательную стратегию взаимодействия с ближневосточными странами из-за последствий Арабской весны и постоянно возникающих новых событий. Первоначальный оптимизм иранского руководства относительно потрясений в Арабском мире уступил место осторожности и беспокойству, связанному с новыми вызовами в региональной политике этой страны. Таким образом, новый курс Ирана отличается умеренностью и основан на конструктивном взаимодействии.

В. Ча и Н. Андерсон попытались рассмотреть северокорейскую политическую действительность через призму событий Арабской весны с целью выявления возможности повторения ближневосточного сценария в этой стране. В результате исследователи выделили пять потенциальных переменных, которые могли бы спровоцировать похожие события в Северной Корее: социально-экономическое развитие, темпы экономического роста (растущие ожидания), демографические факторы (количество молодых людей), распространение информации и тип режима (Cha, Anderson 2012). Применительно к Северной Корее авторы отмечают фактическое отсутствие признаков модернизации по сравнению с 1990 г., заметных темпов экономического роста, новых медиа и т. п., однако подчеркивают, что

здесь имеются две важные предпосылки – относительно молодое и грамотное население. Но и в этом случае оно не стало потенциально опасным для правительства фактором, потому что в коммунистической экономике фактически отсутствует безработица. Таким образом, двумя возможными источниками проявления недовольства в Северной Корее могут стать селекторат – партийные деятели, офицеры и чиновники, кооптированные правительством и оказывающие ему поддержку, и городская беднота.

Стоит выделить также исследования, касающиеся международного контекста арабских восстаний и условий синхронизации протестных действий, с особым акцентом на глобализирующийся характер современного мира.

Факторы синхронизации событий Арабской весны в собственно Арабском мире были рассмотрены в целом ряде работ отечественных исследователей, выделивших следующие моменты: 1) высокий уровень синхронности процессов модернизации в большинстве арабских стран, в том числе синхронное резкое падение младенческой и детской смертности в 1970–1980-е гг., что на фоне массивной экспансии высшего образования привело в 2000-е гг. в большинстве арабских стран к синхронному взрывообразному росту численности молодежи вообще и высокообразованной молодежи в особенности²; 2) синхронизирующее действие второй волны агфляции (стремительного роста цен на продовольствие), пик которой пришелся как раз на январь – февраль 2011 г.; 3) синхронизирующую роль общеарабских спутниковых каналов; 4) синхронизирующую роль общеарабского Интернета (Коротаев, Зинькина 2011а; 2011б; Korotayev, Zinkina 2011; Korotayev *et al.* 2011; Коротаев, Малков и др. 2012; Коротаев, Ходунов 2012; Коротаев, Ходунов и др. 2012; Ходунов, Коротаев 2012; Цирель 2012; Grinin 2013; Коротаев, Исаев, Руденко 2014; 2015; Коротаев, Малков 2014; Гринин и др. 2016).

² Повышение уровня образования наряду с другими достижениями модернизации дополнительно усилило недовольство и фрустрацию, поскольку согласно «гипотезе разрыва», выдвинутой С. Хантингтоном, рост агрессивности в модернизирующихся сообществах обусловлен ростом притязаний, порождаемым различными аспектами модернизации, прежде всего экономическим развитием и «социальной мобилизацией» (включающей урбанизацию, повышение грамотности, уровня образования, распространение СМИ и пр.) (Хантингтон 2004: 71). Анализ этой гипотезы Хантингтона см.: Урнов 2008: 206–208.

Е. Беллин утверждает, что события Арабской весны обусловили необходимость переосмысления логики авторитарной устойчивости в Арабском мире. С одной стороны, очевидно, что репрессивные действия государственного аппарата имеют решающее значение при определении долговечности авторитарных режимов, но в то же время Арабская весна продемонстрировала возникновение обширного межклассового протеста, направленного на политические изменения, а также появление фактора, способствовавшего материализации этого явления, а именно – распространение социальных медиа. Последнее, по мнению Е. Беллин, очевидным образом изменит правила игры для авторитарных режимов по всему миру (Bellin 2012).

Э. Мур при анализе событий Арабской весны и попытке прогнозирования будущего этого региона в целом обращается к процессам глобализации, отмечая, что ее принципы содействуют распространению демократии западного образца, в то время как ближневосточные представления о демократии необязательно включают в себя те же системы и структуры. Таким образом, требования большего демократического представительства, высказываемые в ходе этих событий, едва ли можно считать региональным ответом на процессы глобализации (Moore 2012). По ее мнению, преждевременно говорить о перспективах долгосрочного развития региона, однако очевидно то, что любые демократические преобразования здесь будут инициированы изнутри, а не экспортированы, поскольку налицо несовместимость стран Ближнего Востока с западными демократическими концепциями (Roy 2012).

Глобальный характер протестных настроений в мире, связанный с событиями в арабских странах, нашел свое отражение в статье Ч. Курцмана, где предлагается альтернативное видение причинности протестов в современном мире и подчеркивается, что перцепции участников и протестный потенциал распределяются между протестующими как внутри конкретной политической системы, так и на международном уровне и не могут быть идентифицированы заранее. Арабские восстания в этом случае служат хорошей иллюстрацией гипотезы о том, что люди способны создавать свои собственные политические возможности, а не реагировать на уже существующие структурные предпосылки (Kurzman 2012).

Новаторскую концепцию анализа событий Арабской весны в международном контексте выдвигает С. Н. Литсас. Он отталкивается от философской концепции древнегреческого основателя исторической науки и школы политического реализма Фукидида, который выдвинул понятие стасиса (смуты, раздора), основанного на борьбе различных группировок в полисе (Ковельман, Гершович 2015). Так, Пелопоннесская война рассматривается им в качестве стасиса или гражданской войны, которая привела к застою и во многом обусловила вырождение эллинской цивилизации (Price 2001). Литсас рассматривает восстания Арабской весны как стасис, подчеркивая международный характер этого процесса, который может перерасти в крупномасштабный кризис для соседних политических систем (Litsas 2013). Стасис является насильственным политическим событием, тщательно спланированным заранее либо возникшим спонтанно под давлением сложившихся обстоятельств, и приводит к ожесточенным столкновениям между сторонниками действующего режима и его противниками. Из-за своей насильственной природы стасис, как правило, происходит в недемократических условиях и создает благоприятную почву для радикального изменения жизненных условий угнетенных слоев общества. Литсас приходит к выводу, что Арабская весна стала переходной фазой для Арабского мира в направлении панисламской парадигмы. Этот переход способен провоцировать значительную политическую нестабильность во всем мире, открывая жизненное пространство для различных оппортунистических и ревизионистских исламских факторов.

Еще в 2011 г. было выдвинуто предположение, согласно которому события конца 2010 и начала 2011 г. в арабских странах можно рассматривать в качестве начала глобальной реконфигурации Мир-Системы (Grinin, Korotayev 2011). Было показано, что асинхронность развития различных функциональных подсистем мировой системы является причиной синхронности крупных политических изменений. То есть в процессе глобализации политические преобразования, как правило, отстают от экономических. Однако подобное отставание не может нарастать бесконечно; в конечном счете оно преодолимо, но это сложный процесс. В числе основных векторов реконфигурации мировой системы выступают ослабление

прежнего ядра Мир-Системы (Соединенные Штаты и Запад) и одновременное укрепление позиций ряда периферийных стран (а также общий рост влияния развивающихся стран в мировой экономике и политике) (Grinin, Korotayev 2012).

Как было показано в предыдущем разделе, оценить истинный масштаб необычности событий Арабской весны и ее глобального эха все-таки вряд ли возможно без привлечения количественных эмпирических данных. Лучше понять мировой масштаб этих событий поможет нижеследующий график (Рис. 1).

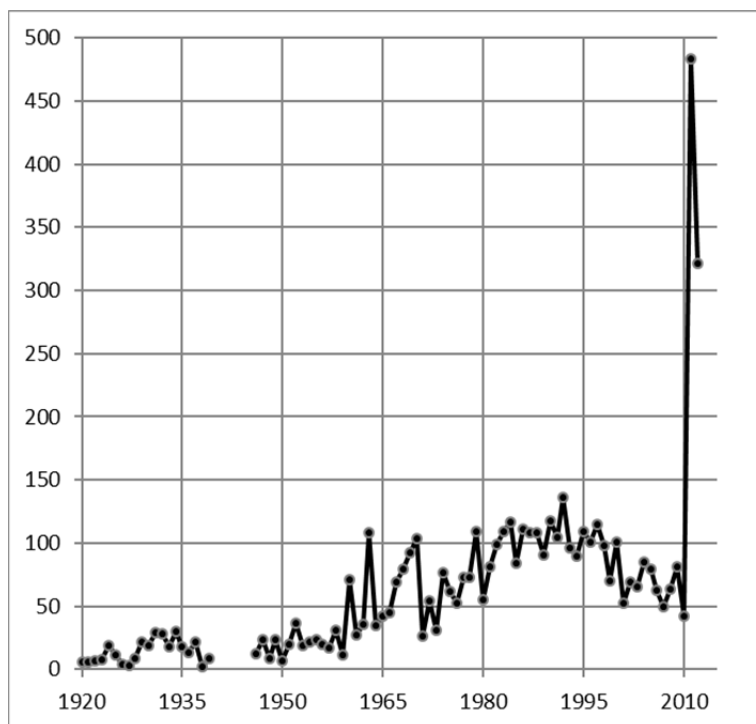

Рис. 1. Динамика общего числа крупных антиправительственных демонстраций, зафиксированных в мире за год в базе данных CNTS, 1920–2012 гг.

Источник данных: CNTS 2016.

При этом бóльшую часть действительно необычного всплеска протестной активности 2011 г. дал именно Ближний и Средний Восток, в особенности арабские страны, однако в остальном мире (под прямым влиянием Арабской весны) произошел совершенно нетривиальный подъем протестной активности (достаточно здесь вспомнить многочисленные движения “Occupy...” – от *Occupy Wall Street* до *Occupy Abay*) (Рис. 2).

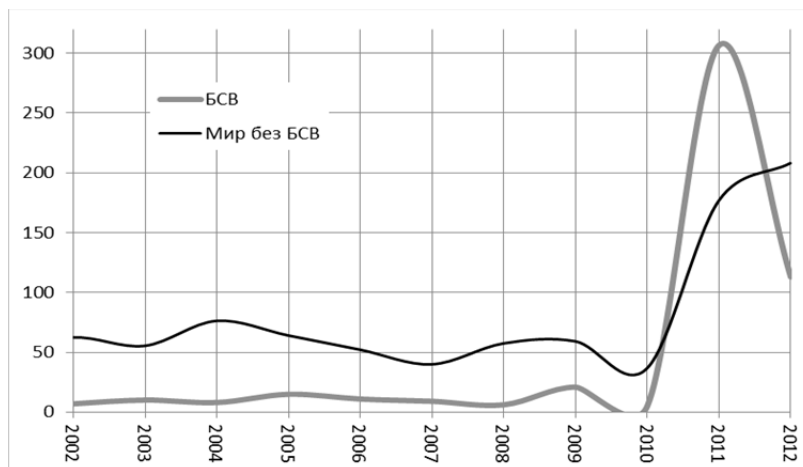

Рис. 2. Динамика общего числа крупных антиправительственных демонстраций, зафиксированных на Ближнем и Среднем Востоке и в остальном мире за год в базе данных CNTS, 1920–2012 гг.

Источник данных: CNTS 2016.

Как мы видим, на Ближнем и Среднем Востоке в 2011 г. наблюдался совершенно невероятный (на два порядка³!) рост уровня протестной активности, но и в остальном мире этот рост был в 2011–2012 гг. хоть и не столь масштабным, но тоже совершенно не тривиальным – там уровень протестной активности вырос почти на порядок⁴.

³ Если в 2010 г. CNTS зафиксировала на Ближнем и Среднем Востоке только 5 крупных антиправительственных демонстраций, то в 2011 г. их число выросло до 307.

⁴ Если в 2010 г. CNTS зафиксировала в остальных странах мира 37 крупных антиправительственных демонстраций, то в 2012 г. их число выросло до 208.

Имеются основания предполагать, что в 2011–2012 гг. Мир-Система испытала в некотором отношении фазовый переход в качественно новое состояние (обозначим его как *фазовый переход В*). При этом данный фазовый переход чем-то напоминает фазовый переход начала 1960-х гг. (обозначим его как *фазовый переход А*). На Рис. 1 этот фазовый переход А забивается масштабом фазового перехода В. Поэтому, чтобы лучше рассмотреть, имеет смысл представить этот график в логарифмическом масштабе (Рис. 3).

Рис. 3. Динамика общего числа крупных антиправительственных демонстраций, зафиксированных в мире за год в базе данных CNTS, 1920–2012 гг., логарифмический масштаб

Источник данных: CNTS 2016.

Первый (после 1919 г.) фазовый переход произошел в начале 1960-х гг. и был связан с произошедшим после Второй мировой войны ростом глобальной информационной связанности и совершенствованием средств протестной самоорганизации, обусловленным распространением телевидения, портативных транзисторных радиоприемников, мегафонов и других технологий четвертого кондратьевского цикла⁵. Так, послевоенный период, в частности 1950-е гг., ознаменовался рядом существенных трансформаций в сфере производства, распространения и восприятия информации. В этот период обозначилась тенденция к развитию индустрии персональных компьютеров: в 1947 г. был изобретен биполярный транзистор, а к 1955 г. транзисторы заменили вакуумные трубки в компьютерных конструкциях, что означало появление второго поколения компьютеров. Транзисторы обладали целым рядом преимуществ по сравнению с вакуумными трубками: они были меньше по размеру, требовали меньше энергии, выделяли меньше тепла, были более надежными и служили дольше (см., например: Lavington 1998).

Важные изменения коснулись и радиовещания. В 1954 г. компания *Regency* представила карманный транзисторный радиоприемник TR-1, питание которого осуществлялось от стандартной батарейки, а в 1955 г. новоиспеченная компания *Sony* представила свой первый транзисторный радиоприемник – прочный и достаточно компактный, чтобы поместиться в кармане (Transistor... 1999). Профессор Школы журналистики и медиаисследований Н. Арсено, размышляя о коммуникативности портативных средств связи, выделяет концепт взаимодействия между людьми и понятие включения, вовлечения. Он полагает, что к транзисторным приемникам может быть применено понятие индивидуальности, что означает возможность персонализации устройства и его модификации в соответствии с пожеланиями пользователя. Что касается связи между мобильным оборудованием и коммуникационной инфраструктурой, то в случае с портативными радиоприемниками это выразилось в их возможности принимать сигналы с удаленных вышек и таким образом объединять пользователей различных местностей,

⁵ О кондратьевских волнах см., например: Korotayev, Tsirel 2010; Korotayev, Zinkina, Bogevolnov 2011; Korotayev, Grinin 2012.

удаленных друг от друга географически (Arceneaux 2014). Кроме того, радиоприемники предыдущей конфигурации в большинстве своем являлись стационарными объектами, располагавшимися в жилых помещениях или общественных местах, где их использование не могло остаться незамеченным. Портативные же устройства, позволяющие любому пользователю слушать то, что он хочет, в этом случае выглядели как бунт против представителей власти, привыкших контролировать традиционные каналы информации, выход из-под их контроля и отрицание их главенствующей роли в этих процессах.

И хотя глобальная информационная связанность нарастала все 1950-е гг., рост протестной активности произошел не плавно, а скачкообразно в самом начале 1960-х гг. Если до фазового перехода А CNTS фиксирует по 20–30 крупных антиправительственных демонстраций в год, то в начале 1960-х гг. этот уровень вырастает до сотни.

Затем в 1964–1966 гг. (но особенно после пика конца 1960-х – в 1971–1973 гг.) следует ощутимый спад; однако к 1980-м гг. тот уровень глобальной протестной активности, который в начале 1960-х гг. оказался аномальным, становится уже вполне нормальным.

В последние 20 лет перед Арабской весной наблюдалась вполне выраженная тенденция к спаду глобальной протестной активности, и в 2010 г. она была самой низкой с середины 1970-х гг. Но даже в 2010 г. протестная активность была выше, чем что бы то ни было, зафиксированное в CNTS до 1960 г.

Фазовый переход В был подготовлен новой волной роста глобальной информационной связанности и совершенствования средств протестной самоорганизации, обусловленной распространением технологий уже пятой кондратьевской волны (Интернет, спутниковое телевидение, социальные сети, в том числе «Твиттер», мобильная телефония и т. п.). И снова, хотя распространение этих технологий шло в течение долгих лет до 2011 г., заложенный в них колоссальный потенциал для генерирования и распространения протестной активности реализовался скачкообразно.

Отметим, что, по наблюдению А. С. Малкова, технологически обусловленная динамика протестной активности в ходе предыду-

щего фазового перехода в чем-то напоминает динамику экспансии новых технологий в ходе хайп-цикла Гартнера⁶ (Рис. 4).

Рис. 4. Стилизованная графическая репрезентация динамики экспансии новых технологий в ходе хайп-цикла Гартнера

Если эта гипотеза верна, то сейчас мы находимся на второй фазе этого цикла, в ходе которой наблюдается значительный спад протестной активности; однако за этим с высокой долей вероятности последует новая (не столь драматичная) фаза нарастания данной активности, после чего ее интенсивность стабилизируется, скорее всего, хоть и ниже пиковых значений 2011 г., но и заметно выше уровня первой декады этого века.

Общество – это среда, имеющая комплексную структуру связей между людьми. На определенном уровне его можно рассматривать как гигантскую сеть, состоящую из взаимоотношений между друзьями, супругами, деловыми партнерами и т. д., а с физической

⁶ *Gartner's Hype Cycle*. Отметим, что имеющиеся в настоящее время в русскоязычной литературе обозначения этого цикла («цикл зрелости технологий», «цикл ажиотажа», «цикл шумихи», «цикл общественного интереса к технологиям», «цикл ожиданий от технологии», «цикл признания технологии») представляются не вполне удачными, и мы предпочитаем пользоваться транслитерацией данного понятия.

точки зрения общество можно рассматривать как пористую среду. Подобные среды широко известны такими свойствами, как самоорганизованная критичность, перколяция, степенное распределение размеров кластеров системы и др. В таких средах могут наблюдаться сверхбольшие суперкритические явления (Д. Сорнет предложил называть такие явления термином *dragon-kings* [см., например: Sornette 2009]). Они могут возникать в двух случаях – когда система находится под возрастающим стрессом (сценарий самоорганизованной критичности) либо когда в системе наблюдается рост проводимости (сценарий перколяции). В социальных системах первый сценарий типичен для негативных явлений – кризисов, войн, революций, финансовых коллапсов, распадов государств и др.

Второй сценарий более типичен для позитивных явлений, таких как возникновение городов, рост фирм, экономические чудеса, диффузия технологий, формирование социальных сетей и т. д. Если соблюдаются оба условия (растущий стресс и увеличение проводимости), это может привести к возникновению совершенно особенных крупных явлений, охватывающих если не все, то большую часть человеческого общества, в различные исторические эпохи – к примеру, возникновение Монгольской империи, мировые религии, мировые войны, взрывообразный рост интернет-сервисов (см., например: Малков, Зинькина, Коротаев 2011; Malkov, Zinkina, Korotayev 2012).

В качестве примера можно привести суперкритические явления, встречающиеся в распределении «ранг – размер» городов целого ряда стран. Распределение «ранг – размер» для городов отдельной страны обычно имеет степенной вид (подробнее см.: Малков, Зинькина, Коротаев 2011), который выглядит как прямая линия в двойной логарифмической шкале (см., например, Рис. 5, 6).

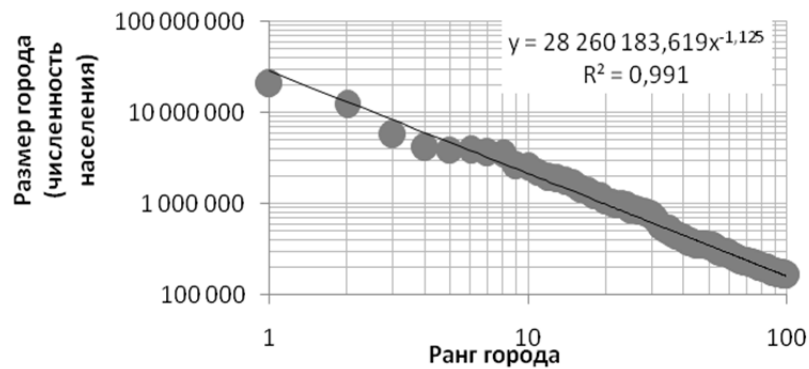

Рис. 5. Распределение «ранг – размер» (численность населения) бразильских городов на 2010 г., двойная логарифмическая шкала

Источник данных: World... 2011.

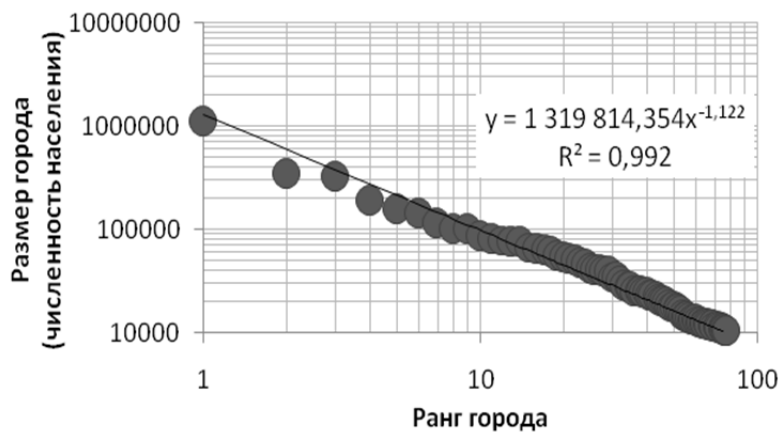

Рис. 6. Распределение «ранг – размер» (численность населения) болгарских городов на 2010 г., двойная логарифмическая шкала

Источник данных: World... 2011.

Однако иногда самые крупные города в некоторых странах существенно отклоняются вверх от прямой линии степенного распределения, вдоль которой остальные города оказываются тем не менее

достаточно аккуратно выстроенными. Это хорошо видно на примере Египта (см. Рис. 7).

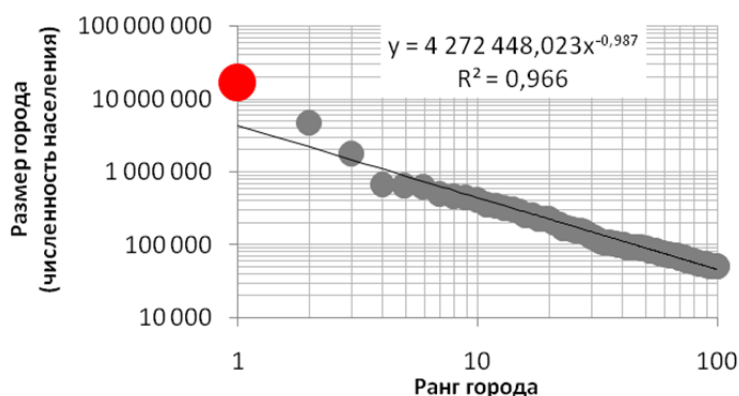

Рис. 7. Распределение «ранг – размер» (численность населения) египетских городов на 2010 г., двойная логарифмическая шкала

Источник данных: World... 2011.

Подобные явления, когда первый объект в совокупности имеет значительно больший размер, чем можно было бы ожидать исходя из степенного распределения, которому подчиняются достаточно точным образом остальные объекты совокупности, хорошо известны исследователям степенных распределений. Они и обозначаются как «суперкритические явления», «сверхъявления», «цари-драконы» (*dragon-kings*). Имеются определенные основания утверждать, что степенное распределение городов страны без значимых отклонений соответствует сбалансированной городской системе (см., например: Кирилюк и др. 2008: 117), в то время как присутствие в распределении «царей-драконов» указывает на то, что самый большой город страны является диспропорционально большим, что, наряду с прочим, может оказаться важным фактором социально-политической дестабилизации. Например, одним из достаточно важных факторов столь быстрого падения режима Х. Мубарака в 2011 г. было как раз то обстоятельство, что Каир занимает место «царя-дракона» в распределении «ранг – размер» для городов Египта, это подразумевает аномально высокую концентрацию неудовлетво-

ренного взрывоопасного социального элемента (и прежде всего высокообразованной безработной или другим образом неустроенной⁷) молодежи в самой непосредственной близости от центров политической власти, что и сделало возможным столь легкую организацию «демонстраций миллионов» и т. п. (подробнее об этом см., например: Коротаяев, Зинькина 2011а; 2011б; 2012).

Распределение «ранг – размер» за период между 1919 и 2012 гг. по числу зафиксированных для соответствующего года крупных антиправительственных демонстраций выглядит следующим образом (см. Рис. 8).

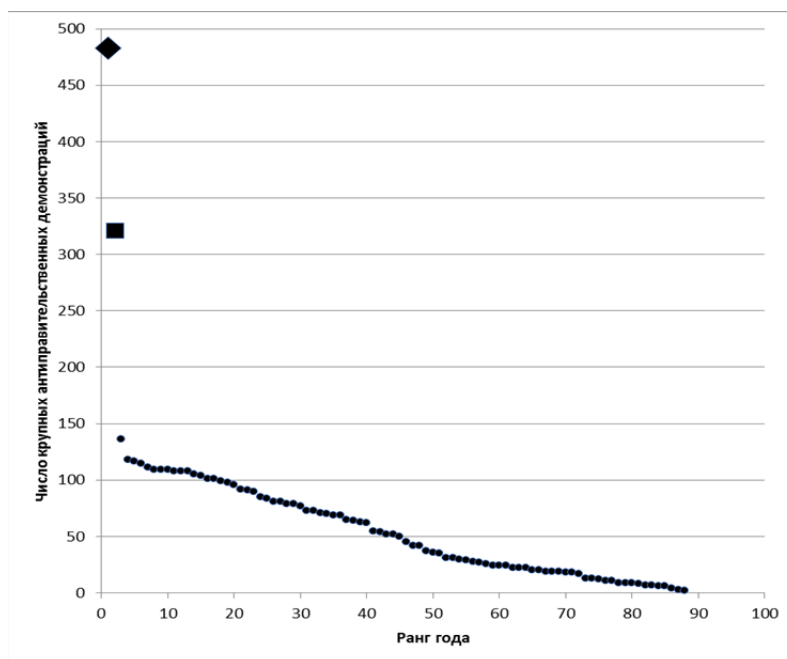

Рис. 8. Распределение «ранг – размер» годов за период между 1919 и 2012 гг. по числу зафиксированных для соответствующего года крупных антиправительственных демонстраций

Источник данных: CNTS 2016.

⁷ Например, работающей не по специальности.

На этом графике по оси абсцисс отложены ранги годов, где первый ранг, обозначенный ромбом в левом верхнем углу, соответствует году, в который было зафиксировано наибольшее число крупных антиправительственных демонстраций, второй ранг (обозначен черным квадратом) – году со вторым по величине числом демонстраций. По оси же ординат отложено само число демонстраций, зарегистрированных в CNTS в соответствующем году. При этом черный ромб в левом верхнем углу соответствует 2011 г., а находящийся под ним квадрат – 2012 г. Нетрудно видеть, что распределение на этом графике достаточно сильно напоминает распределение «ранг – размер» на предыдущем графике с присутствующим там суперкритическим явлением *dragon-king* в виде Каира и, кстати, *dragon-queen* в виде Александрии. Все-таки годы последнего фазового перехода здесь в полной мере назвать суперкритическими явлениями нельзя. Дело в том, что, согласно Сорнету, о «царях-драконах» можно говорить только в том случае, когда первое по рангу явление радикально отклоняется от линии степенного распределения, вдоль которой выстраиваются все остальные случаи. Мы же в нашем случае имеем дело с радикальным отклонением первого (и второго) по рангу явления от линии линейного распределения, как мы увидим ниже.

Поэтому здесь лучше, видимо, говорить не о суперкритических, а о квазисуперкритических явлениях. Однако и сходство для обоих случаев достаточно очевидно – в обоих речь идет о радикальном отклонении первого-второго явления от линии распределения, вдоль которой выстраиваются все остальные случаи; однако речь в разных случаях идет о разных законах распределения. Действительно, при отбрасывании первых двух случаев (соответствующих годам второго фазового перехода, 2011 и 2012 гг.) оставшиеся случаи описываются линейным уравнением практически идеально (экспоненциальное же и степенное уравнения описывают его значительно хуже; см. Рис. 9).

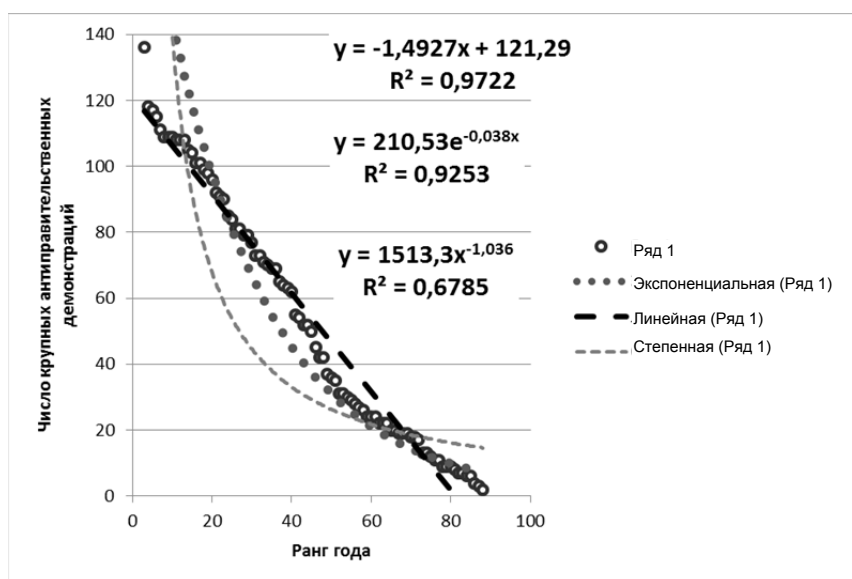

Рис. 9. Распределение «ранг – размер» годов за период между 1919 и 2010 гг. по числу зафиксированных для соответствующего года крупных антиправительственных демонстраций с наложенными линиями степенной, экспоненциальной и линейной регрессии

Источник данных: CNTS 2016.

Примечательно, что при добавлении всего лишь двух лет последнего фазового перехода распределение начинает уже значительно лучше описываться экспоненциальной или степенной (а не линейной) моделью (см. Рис. 10).

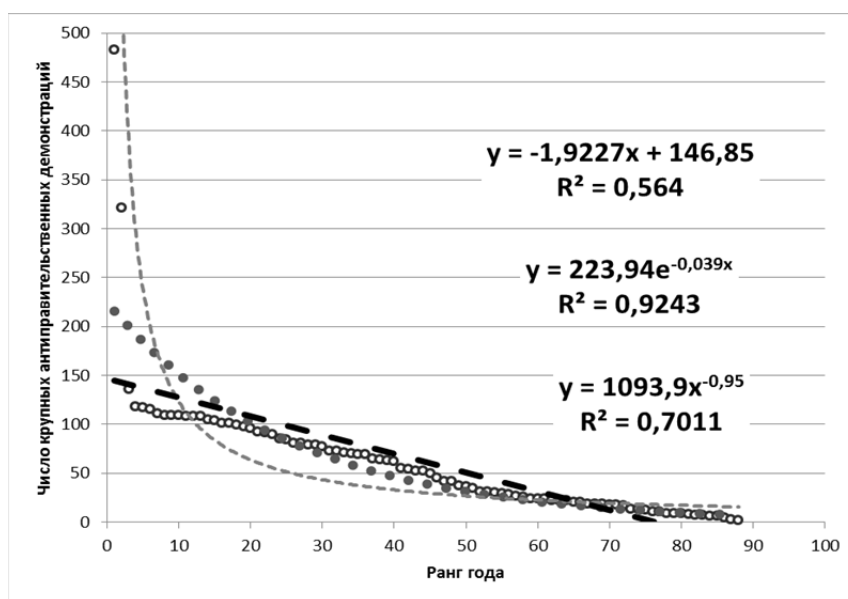

Рис. 10. Распределение «ранг – размер» годов за период между 1919 и 2012 гг. по числу зафиксированных для соответствующего года крупных антиправительственных демонстраций с наложенными линиями степенной, экспоненциальной и линейной регрессии

Источник данных: CNTS 2016.

Интересно, что такое же явление мы наблюдаем и применительно к первому фазовому переходу. Действительно, если мы берем годы, предшествовавшие первому фазовому переходу, то есть 1919–1959 гг., то снова получаем практически идеальное линейное распределение (см. Рис. 11).

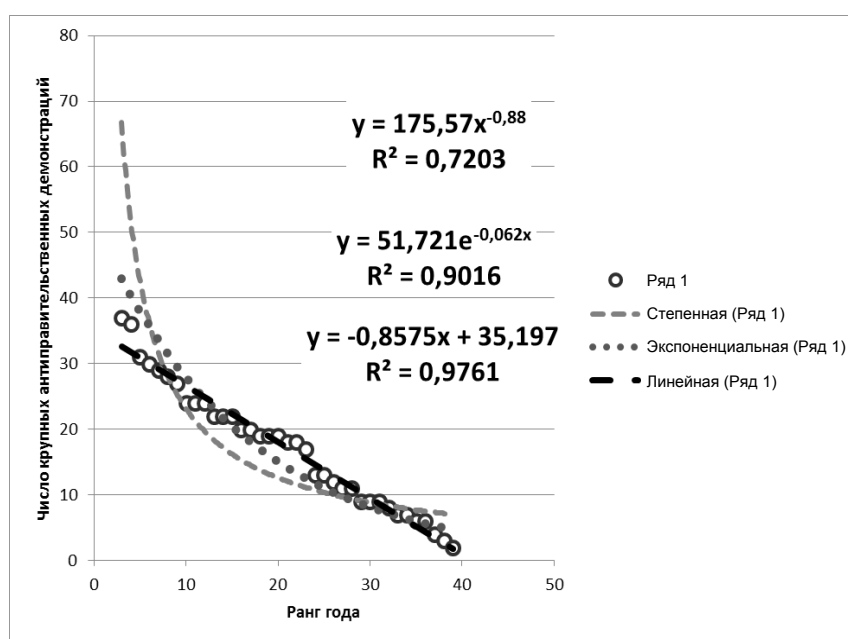

Рис. 11. Распределение «ранг – размер» годов за период между 1919 и 1959 гг. по числу зафиксированных для соответствующего года крупных антиправительственных демонстраций с наложенными линиями степенной, экспоненциальной и линейной регрессии

Источник данных: CNTS 2016.

Однако и здесь, как только мы добавляем годы, соответствующие первому фазовому переходу, распределение начинает значительно лучше описываться степенными и экспоненциальными моделями (см. Рис. 12).

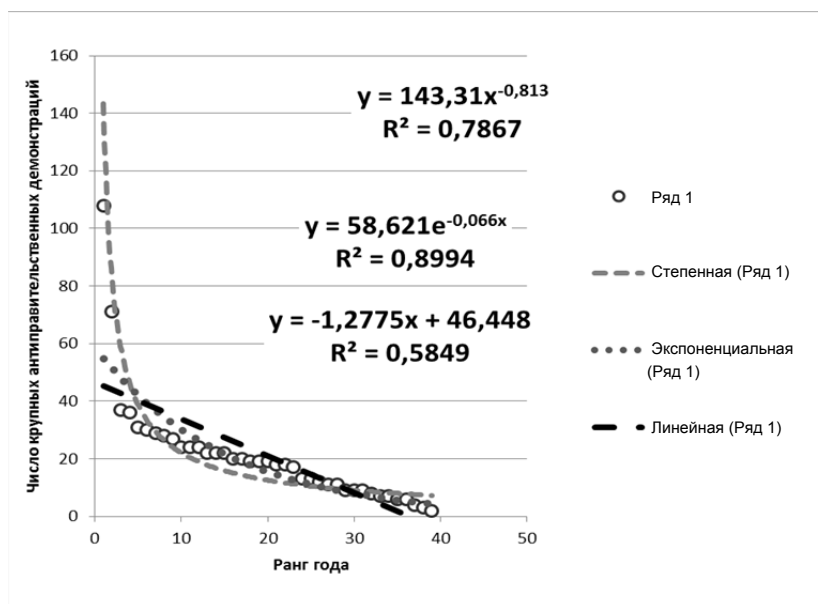

Рис. 12. Распределение «ранг – размер» годов за период между 1919 и 1963 гг. по числу зафиксированных для соответствующего года крупных антиправительственных демонстраций с наложенными линиями степенной, экспоненциальной и линейной регрессии

Источник данных: CNTS 2016.

* * *

Таким образом, мы можем констатировать, что в 2011–2012 гг. Мир-Система испытала в некотором отношении фазовый переход в качественно новое состояние глобальной протестной активности подобно тому, что мы наблюдали в начале 1960-х гг. Это во многом было связано с произошедшим после Второй мировой войны ростом глобальной информационной связанности и совершенствованием средств протестной самоорганизации, обусловленным распространением телевидения, портативных транзисторных радиоприемников, мегафонов и других технологий четвертого кондратьевского цикла. При этом несмотря на то, что глобальная информа-

ционная связанность нарастала все 1950-е гг., рост протестной активности произошел не плавно, а скачкообразно в самом начале 1960-х гг.

В последние 20 лет перед Арабской весной наблюдалась вполне выраженная тенденция к спаду глобальной протестной активности, и в 2010 г. она была самой низкой с середины 1970-х гг. Но даже в 2010 г. она была выше, чем что бы то ни было, зафиксированное в CNTS до 1960 г. Второй фазовый переход был подготовлен новой волной роста глобальной информационной связанности и совершенствования средств протестной самоорганизации, обусловленной распространением технологий уже пятой кондратьевской волны (Интернет, спутниковое телевидение, социальные сети, в том числе «Твиттер», мобильная телефония и т. п.).

И снова, хотя распространение этих технологий шло в течение долгих лет до 2011 г., заложенный в них колоссальный потенциал для генерирования и распространения протестной активности реализовался скачкообразно. Это дает нам основания рассматривать рост социально-политической нестабильности, начавшийся с волнений в арабских странах, в качестве суперкритического явления с той лишь оговоркой, что в нашем случае мы имеем дело с радикальным отклонением первого (и второго) по рангу явления от линии линейного распределения. Ввиду этого Арабскую весну лучше интерпретировать в категориях не суперкритических, а квазисуперкритических явлений.

Библиография

- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2016. *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. 2-е изд. М.: Учитель.
- Кирилук И. Л., Малков С. Ю., Малков А. С. 2008. Экономическая динамика Мир-Системы. Взаимодействие стран с разными уровнями развития. *История и Математика: модели и теории* / Ред. Л. Е. Гринин, С. Ю. Малков, А. В. Коротаев. М.: ЛКИ/URSS. С. 102–119.
- Ковельман А. Б., Гершович У. 2015. Война и мир в Талмуде: событие и его смысл. Ч. 2. *Вопросы философии* 8: 144–158.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011а. Египетская революция 2011 г. Структурно-демографический анализ. *Азия и Африка сегодня* 6: 10–16; 7: 15–21.

- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011б.** Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ. *Историческая психология и социология истории* 4(2): 5–29.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2012.** Структурно-демографические факторы «арабской весны». *Протестные движения в арабских странах. Предпосылки, особенности, перспективы* / Ред. И. В. Следзевский, А. Д. Саватеев. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 28–40.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Руденко М. А. 2014.** Ортокузенный брак, женская занятость и «афразийская» зона нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Ред. А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина. Волгоград: Учитель. С. 180–207.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Руденко М. А. 2015.** Формирование афразийской зоны нестабильности. *Восток* 2: 88–99.
- Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2014.** Ловушка на выходе из мальтузианской ловушки в современных модернизирующихся обществах. *История и Математика: аспекты демографических и социально-экономических процессов* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. Волгоград: Учитель. С. 43–98.
- Коротаев А. В., Малков С. Ю., Бурова А. Н., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С. 2012.** Ловушка на выходе из ловушки. Математическое моделирование социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии и события Арабской весны 2011 г. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 210–276.
- Коротаев А. В., Ходунов А. С. 2012.** К прогнозированию динамики социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии: Ближний Восток *versus* Латинская Америка. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 337–386.
- Коротаев А. В., Ходунов А. С., Бурова А. Н., Малков С. Ю., Халтурина Д. А., Зинькина Ю. В. 2012.** Социально-демографический анализ Арабской весны. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 28–76.
- Малков А. С., Зинькина Ю. В., Коротаев А. В. 2011.** К математическому моделированию степенных и сверхстепенных распределений в социаль-

- ных системах. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 277–304.
- Малков С. Ю., Исаев Л. М., Коротаев А. В., Кузьминова Е. В. 2013.** О методике текущего состояния и прогноза социальной нестабильности: опыт количественного анализа событий Арабской весны. *Полис* 4: 137–163.
- Токвиль А. де. 1997.** *Старый порядок и революция*. М.: Московский философский фонд.
- Урнов М. Ю. 2008.** *Эмоции в политическом поведении*. М.: Аспект Пресс.
- Хантингтон С. 2004.** *Политический порядок в меняющихся обществах*. М.: Прогресс-Традиция.
- Ходунов А. С., Коротаев А. В. 2012.** Почему вторая волна агфляции привела к волне социально-политической дестабилизации на Ближнем Востоке, а не в Латинской Америке? *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 463–507.
- Цирель С. В. 2012.** Революции, волны революций и Арабская весна. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 128–161.
- Arceneaux N. 2014.** Small, Cheap, and out of Control. Reflections on the Transistor Radio. *The Routledge Companion to Mobile Media*. New York, NY: Routledge.
- Beck C. 2014.** Reflections on the Revolutionary Wave in 2011. *Theory & Society* 43(2): 197–223.
- Bellin E. 2012.** Reconsidering the Robustness of Authoritarianism in the Middle East: Lessons from the Arab Spring. *Comparative Politics* 44(2): 127–149.
- Cha V., Anderson D. 2012.** A North Korean Spring? *The Washington Quarterly* 35(1): 7–25.
- CNTS 2016.** Cross-National Time Series Data Archive Coverage. *Databank International*. URL: <http://www.databanksinternational.com>.
- Danjibo N. 2013.** The Aftermath of the Arab Spring and Its Implication for Peace and Development in the Sahel and Sub-Saharan Africa. *Strategic Review for Southern Africa* 35(2): 16–34.

- Erdogan A. 2013.** From the Collapse of Communism in Eastern Europe to the Arab Spring: Lessons for Democratic Transition. *Alternatives: Turkish Journal of International Relations* 12(3): 17–31.
- Goldstone J. 2011.** Understanding the Revolutions of 2011. *Foreign Affairs*. 90(3): 8–16.
- Goldstone J. 2014.** *Revolutions: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Goodwin J. 2011.** Why We Were Surprised (Again) by the Arab Spring. *Swiss Political Science Review* 17(4): 452–456.
- Greene R., Kuswa K. 2012.** From the Arab Spring to Athens, from Occupy Wall Street to Moscow: Regional Accents and the Rhetorical Cartography of Power. *Rhetoric Society Quarterly* 42(3): 271–288.
- Grinin L. 2013.** State and Socio-Political Crises in the Process of Modernization. *Social Evolution & History* 12(2): 35–76.
- Grinin L., Korotayev A. 2011.** The Coming Epoch of New Coalitions: Possible Scenarios of the Near Future. *World Futures* 67(8): 531–563.
- Grinin L., Korotayev A. 2012.** Does “Arab Spring” Mean the Beginning of World System Reconfiguration? *World Futures* 68(7): 471–505.
- Gunter M. 2013.** The Kurdish Spring. *Third World Quarterly* 34(3): 441–457.
- Hoesterey J. 2013.** Is Indonesia a Model for the Arab Spring? Islam, Democracy, and Diplomacy. *Review of Middle East Studies* 47(1): 56–62.
- Korotayev A. V., Grinin L. E. 2012.** Kondratieff Waves in the World System Perspective. *Kondratieff Waves: Dimensions and Perspectives at the Dawn of the 21st Century* / Ed. by L. E. Grinin, T. C. Devezas, A. V. Korotayev. Volgograd: Uchitel. Pp. 23–64.
- Korotayev A. V., Issaev L. M., Malkov S. Yu., Shishkina A. R. 2013.** Developing the Methods of Estimation and Forecasting the Arab Spring Events. *Central European Journal of International and Security Studies* 7(4): 28–58.
- Korotayev A. V., Issaev L. M., Shishkina A. R. 2014.** The Arab Spring. A Quantitative Analysis. *Arab Studies Quarterly* 36(2): 149–169.
- Korotayev A., Tsirel S. 2010.** A Spectral Analysis of World GDP Dynamics: Kondratieff Waves, Kuznets Swings, Juglar and Kitchin Cycles in Global Economic Development, and the 2008–2009 Economic Crisis. *Structure and Dynamics* 4(1): 3–57.
- Korotayev A., Zinkina J. 2011.** Egyptian Revolution: A Demographic Structural Analysis. *Entelequia. Revista Interdisciplinar* 13: 139–169.

- Korotayev A., Zinkina J., Bogevolnov J. 2011.** Kondratieff Waves in Global Invention Activity (1900–2008). *Technological Forecasting & Social Change* 78(7): 1280–1284.
- Korotayev A., Zinkina J., Kobzeva S., Bogevolnov J., Khaltourina D., Malkov A., Malkov S. 2011.** A Trap at the Escape from the Trap? Demographic-Structural Factors of Political Instability in Modern Africa and West Asia. *Cliodynamics* 2(2): 276–303.
- Kurzman C. 2012.** The Arab Uprising Uncoiled. *Mobilization. An International Journal* 17(4): 377–390.
- Lang J., Sterck De H. 2014.** The Arab Spring: A Simple Compartmental Model for the Dynamics of a Revolution. *Mathematical Social Sciences* 69: 12–21.
- Lavington S. 1998.** *A History of Manchester Computers*. Swindon: The British Computer Society.
- Litsas S. 2013.** Stranger in a Strange Land: Thucydides' Stasis and the Arab Spring. *Digest of the Middle East Studies* 22(2): 361–376.
- Malkov A., Zinkina J., Korotayev A. 2012.** The Origins of Dragon-Kings and their Occurrence in Society. *Physica A* 391(21): 5215–5229.
- Matthiesen T. 2012.** A “Saudi Spring?”: The Shi'a Protest Movement in the Eastern Province 2011–2012. *Middle East Journal* 66(4): 628–659.
- Moore E. 2012.** Was the Arab Spring a Regional Response to Globalization? *E-International Relations* July 02. URL: <http://www.e-ir.info/2012/07/02/was-the-arab-spring-a-regional-response-to-globalisation>.
- Price J. 2001.** *Thucydides and Internal War*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Roy O. 2012.** The Islamic Counter Revolt. *New Statesman* 23(141): 27–28.
- Sinkaya B. 2015.** Implications of the Arab Spring for Iran's Policy towards the Middle East. *Middle Eastern Studies* 6(2): 54–78.
- Sornette D. 2009.** Dragon-Kings, Black Swans and the Prediction of Crises. *International Journal of Terraspace Science and Engineering* 2(1): 1–18.
- Transistor Radios. 1999.** *PBS Online*. URL: <http://www.pbs.org/transistor/background1/events/tradio.html>.
- Volpi F. 2014.** Framing Political Revolutions in the Aftermath of the Arab Uprisings. *Mediterranean Politics* 19(1): 153–156.
- Weyland K. 2012.** The Arab Spring: Why the Surprising Similarities with the Revolutionary Wave of 1848? *Perspectives on Politics* 10(4): 917–934.
- Wilson A. 2013.** On the Margins of the Arab Spring. *Social Analysis: The International Journal of Social and Cultural Practice* 57(2): 81–98.
- World Gazetteer. 2011.** *World Gazetteer Database*. URL: <http://world-gazetteer.com/>.